

пуск означенной книги в свет и пригласить г. Иогансона для объяснений в цензурный комитет 4 сего марта» [15].

Архивные материалы являются ценными источниками истории становления дозволений на заведение типографий и законодательства о цензуре Российской империи, отражают важный фактический материал по истории права, а именно процессы становления законодательства о цензуре, истории подготовки проектов изменений и дополнений в уставы о цензуре. На основании прошений о заведении типографий, заявителям выдавались письменные разрешения, которые не являлись нормативными актами.

1. Дело по прошению разных лиц о разрешении открыть типографии, 29 января 1814 г. – 3 марта 1815 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 248.
2. Переписка с министром внутренних дел и астраханским гражданским губернатором о разрешении шотландским колонистам открыть в Астрахани типографию для печатания Священного писания на восточных языках, 1 сентября – 22 сентября 1815 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 250.
3. Переписка с Министерством Народного просвещения о разрешении книгопродавцу Гликсбергу открыть типографию и книжную лавку при Виленском университете, 11 июня 1826 – 18 июля 1826 // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 269.
4. Дело по прошению архиерея Иоаннесова Иосифа о разрешении ему открыть типографию при армянской церкви в Петербурге, 17 февраля 1811 – 12 сентября 1811. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 276.
5. Дело по прошению рижского купца Кауля Е.Ф. о разрешении ему открыть типографию в Москве, 18 февраля 1825 – 17 мая 1825. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 277.
6. Переписка с Министром народного просвещения и Петербургским обер-полициейстером по прошению фактора сенатской типографии Крея о разрешении ему открыть свою типографию в Петербурге, 22 ноября 1815 – 31 декабря 1815. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 278.
7. Переписка с Петербургским военным ген-губернатором и Министерством духовных дел и народного просвещения о разрешении иностранцу Лангу Андрею, принявшему русское подданство открыть типографию в Петербурге, 01 июля 1823 – 28 июля 1823. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 279.
8. Переписка с военным губернатором, Министерством народного просвещения и Кронштадтским о разрешении переводчикам Кронштадтской таможни Мелеру А. и Девису В. открыть типографию в Кронштадте, 26 марта 1826 – 22 апреля 1826. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 281.
9. Циркулярное предписание Петербургского военного генерал-губернатора губернаторам о запрещении перепечатки книг без повторного разрешения цензуры и переписка с ними по этому вопросу, 6 апреля – 23 июня 1818 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 253.
10. Дело о высылке за границу римско-католических пасторов Госнера и Линделя за печатание на русском языке толкования Евангелия с искажением догматов христианской религии, 27 апреля – 29 октября 1824 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 270.
11. Дело о способах уничтожения в иностранных газетах статей, подлежащих запрещению, 21 января 1844 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 213. 1829/1878 г. Ед. хр. 12.
12. Записка /без подписи/ с замечаниями на цензурный устав /?/ // ГА РФ. – Ф. 1155. Оп. 1. Ед. хр. 226.
13. Материалы по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. (устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. (печатн.). Проект дополнительных правил к цензурному уставу 1828 г., проект дополнительного постановления к § 153 – 157 цензурного устава 1828 г., 1828 – 1835 // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1780.
14. Уставы о цензуре (печатные) от 9 июля 1804 г. и от 10 июня 1826 г. (с правкой), план 2-го проекта замечаний на цензурный устав 1826 г., 1804–1826 // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1782.
15. Дело о предоставлении в главное управление по делам печати и Московскому генерал-губернатору сведений о нарушениях цензурных правил московскими типо- и литографиями о составлении мировыми судьями протоколов по поводу отдельных нарушений, 4 января 1867 – 11 января 1870 // ЦГА Москвы. – Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11.

Воднева Е.В.

**ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ Ф.В. БУЛГАРИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Фаддей Булгарин (1789–1859) – выходец из белорусских земель – стал известным российским журналистом, писателем, издателем. Более 30 лет он руководил первой в России частной газетой «Северная пчела». Автор романов, военных рассказов, фантастических очерков, публицистических заметок и фельетонов был известен всей читающей России. Его статьи в периодической печати давали ответы на самые актуальные вопросы своего времени.

С начала XX в. и до настоящего времени в российской историографии утвердилось мнение, что после восстания декабристов 1825 г. Ф.В. Булгарин стал реакционером [7; 10]. С целью сохранения своего положения в обществе, возможности издания собственной газеты он однозначно поддерживал правительственный курс, не допускал критики правительства. На рубеже XX–XXI вв. были опубликованы исследования А.И. Рейтблата [8], П. Глушковского [6], А.И. Федуты [9], в которых данная точка зрения подверглась серьезной критике.

Фаддей Булгарин стал одним из тех выходцев бывшей Речи Посполитой, кто выбрал интеграцию в российское общество. Журналист занимал активную гражданскую позицию, что нашло выражение не только на страницах его газеты, но и в аналитических записках в III отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее С.е.и.в.к).

Записки Ф.В. Булгарина открывают возможности для понимания характера сотрудничества литератора с III отделением и дают бесценный материал для исследования его общественной позиции: ее возникновения, воплощения, исторической продуктивности.

Докладные записки Ф.В. Булгарина в III отделение и его переписка с руководством ведомства хранятся в фонде III отделения в Государственном архиве Российской Федерации, а также в Российском государственном историческом архиве и в Институте русской литературы (ИРЛИ РАН). Большое количество записок и писем были впервые опубликованы в 1998 г. литературоведом А.И. Рейтблатом в работе «Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение» [5], которая по объему научно-справочного аппарата и комментариев может претендовать на звание булгаринской энциклопедии и одновременно дает панорамную картину его эпохи.

Сотрудничество III отделения с Булгариным началось после восстания декабристов. Еще до официального учреждения III отделения он подал на имя императора записку «О цензуре в России и книгопечатании вообще» [5, с. 45], главной темой которой стало общественное мнение и управлением им. Первые годы существования III отделения стали наиболее плодотворными в сотрудничестве Булгарина с ведомством. Именно в этот период журналистом были подготовлены аналитические записки, посвященные вопросам управления общественным мнением, проблемам образования, социально-экономической тематике, критике государственного аппарата.

Помимо записок, собственноручно написанных или подписанных Булгариным, в делах III отделения ряд его записок сохранился в переписанном виде и без подписи [8, с. 131]. В роли переписчика докладных записок выступал директор канцелярии III отделения М.Я. фон Фок. Именно Фок ведал работой с тайными агентами. Он лично обрабатывал записки агентов и оформлял в виде отчетов; последние поступали к А.Х. Бенкендорфу; шеф жандармов и главный управляющий III отделением докладывал непосредственно императору [8, с. 134]. Из этого следует, что те, кто становился агентом III отделения, пользовались высокой степенью доверия со стороны этого учреждения.

Часть подготовленных Булгариным записок составлялась на конкретно сформулированные запросы, которые поступали от М.Я. фон Фока [8, с. 127]. С последним Булгарина связывали не только доверительные отношения, но и сходство их общественно-политических взглядов [8, с. 130]. Особенно распространенными были запросы на характеристики государственных служащих. О том, что записки составлялись в ответ на запрос, свидетельствует замечание самого Булгарина – «о коих спрашивается мнение» и пр. Нередко это были личные запросы от императора [5, с. 143]. Булгарин давал как положительные отзывы, рекомендации на должность, так и отрицательные характеристики, касающиеся как личных качеств человека, так и его способностей к тому или иному виду деятельности.

Ф.В. Булгарин получил возможность высказывать свои размышления напрямую представителям государственной власти (через III отделение), и представителям российского общества (через газету). Стоит отметить, что содержание докладных записках было более прагматичным: он стремился к конкретике, обозначал проблему, пытался вскрыть ее причины и предлагал решение. Печатные статьи характеризуются более общими рассуждениями, яркими примерами, юмористическими зарисовками, с помощью которых журналист стремился привлечь внимание читателя и побудить его к размышлениям о поднимаемых вопросах.

Анализ содержания булгаринских записок позволяет объединить их по следующим направлениям: 1) личные просьбы; 2) ходатайства о других лицах; 3) характеристики чиновников; 4) вопро-

сы управления общественным мнением; 5) обзор общественных настроений; 6) образование и вопросы нравственности; 7) цензура; 8) критика работы государственного аппарата; 9) записки общего мировоззренческого характера; 10) проблемы, касавшие земель бывшей Речи Посполитой. В статье на основании докладных записок Ф.В. Булгарина раскрывается его оценка эффективности работы чиновников государственных учреждений Российской империи.

Тема служебных злоупотреблений – центральная тема булгаринских записок о государственном аппарате. Взяточничество, длительность дел, безнаказанность чиновников, расхищение бюджета – такова булгаринская общая характеристика ситуации в системе государственного аппарата в начале правления Николая I [5, с. 107].

Ф.В. Булгарин неоднократно подчеркивал, что безнравственное поведение отдельных чиновников снижало авторитет власти в российском обществе [5, с. 323]. Вместе с тем, проблема взяточничества и служебных злоупотреблений в интерпретации Булгарина сводилась не к самому институту, а к критике конкретных лиц, занимавших те или иные должности [5, с. 151]. Например, один из членов канцелярии Государственного совета Д.В. Петров создал собственную «теневую» канцелярию, которая занималась фиктивным документооборотом в учреждении, где происходили тайные встречи истцов и ответчиков с чиновниками, ответственными за ведение их дел, обсуждались суммы предполагаемых взяток [5, с. 159].

Не менее остро, чем проблема взяточничества, стоял вопрос о малообразованности и некомпетентности государственных чиновников. Журналист подчеркивал важность образования и повышения квалификации чиновников. Непременным условием для назначения чиновника должно было быть знание законов. Однако собственно идея верховенства закона для российского чиновника, по мнению Булгарина, была отвлеченной [5, с. 484]. Чиновник не ощущал себя представителем государственной власти, а лишь дельцом в определенной сфере. На эту проблему журналист обращал внимание общества на страницах газеты «Северная пчела» [1; 2; 3; 4].

По запросу III отделения С.е.и.в.к. Ф.В. Булгарин неоднократно составлял характеристики чиновников. Его мнение о личных качествах человека и способностях к тому или иному виду деятельности часто учитывалось при принятии решения о назначении на должность. Например, действительный статский советник П.П. Кильдюшевский, деловые качества которого были оценены крайне отрицательно, не получил пост рязанского губернатора. Позднее он даже подвергся взысканиями за служебные злоупотребления [5, с. 266].

С другой стороны, Ф.В. Булгарин периодически предлагал такие кандидатуры для замещения должностей, которые могли стать достойными представителями государства на местах. В частности, по его мнению, требуемыми навыками и качествами характера, необходимыми для государственной службы, обладали надворный советник Н.А. Иозефович, коллежский ассессор А.О. Боровский, статский советник Л.В. Ордынский, коллежский советник В.О. Рогальский [5, с. 428]. В итоге все четверо действительно были отправлены на службу в разные регионы бывшей Речи Посполитой. Можно предположить, что важную роль для положительной рекомендации Булгарина играли не только их знания и служебный опыт, но происхождение всех четверых из земель бывшей Речи Посполитой.

Важно отметить, что период плодотворного сотрудничества Ф.В. Булгарина и III отделения С.е.и.в.к. продолжался недолго. На наш взгляд, он ограничивался 1826–1831 годами. После смерти управляющего III отделением М.Я. фон Фока в 1831 г., а также смены правительственного курса, направленного на консервацию существующего режима, мнение Булгарина по важным вопросам государственного управления руководство III отделения С.е.и.в.к. уже не интересовало.

Таким образом, докладные записки Ф.В. Булгарина в III отделение С.е.и.в.к. позволяют определить проблемные точки в работе государственного аппарата Российской империи. Булгарин обращал внимание властей на финансовые махинации, осуществление незаконных операций с документами, коррумпированность, низкий уровень образования чиновников. Журналист пытался добиться того, чтобы должности в государственном аппарате занимали профессиональные и честные чиновники. Значительная часть предложений Булгарина учитывалась руководителями III отделения С.е.и.в.к., что подчеркивает особое доверие к его мнению со стороны властных структур. Фаддей Булгарин стоял на позиции необходимости строгого соблюдения законов, недопустимости произвола в государственных учреждениях.

1. Булгарин, Ф. В. Плач подъячего Панкратья Фомича Тычкова над Сводом законов / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 18 апр. – С. 3–4.
2. Булгарин, Ф. В. Судья по выборам / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 3 сент. – С. 3–4.
3. Булгарин, Ф. В. Ходатай по делам, или На то шука в море, чтобы карась не дремал / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 13 янв. – С. 3–4.
4. Булгарин, Ф. В. Ходатай на ловле / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 27 янв. – С. 3–4.
5. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. – М. : НЛЮ, 1998. – 702 с.
6. Глушковский, П. Ф. В. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. / П. Глушковский. – СПб. : Алетей, 2013. – 232 с.
7. Лемке, М. К. Николаевские жандармы и литература в 1826–1855 годах / М. К. Лемке. – СПб. : Книгоизд-во С.В. Бунина, 1909. – 614 с.
8. Рейтблат, А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы / А. И. Рейтблат. – М. : НЛЮ, 2016. – 632 с.
9. Фядута, А. І. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / А. І. Фядута // Булгарын Фадзей. Выбранае / уклад., прадм. і камэнтар А. І. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.
10. Янушкевич, А. С. История русской литературы первой трети XIX в. / А. С. Янушкевич. – М. : Наука, 2015. – 746 с.

Кирничанская И.С.

РЕДКИЙ ДОКУМЕНТ 1834 ГОДА: СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ СТАРОВЕРОВ¹

Предлагаемый к публикации документ хранится в Латвийском государственном историческом архиве Латвийского национального архива – LNA LVVA, где собраны многие документы о жизни староверов Прибалтики XIX – первой половины XX века, привлекающие внимание исследователей. Документ находится в фонде № 1 – «Канцелярия Прибалтийского генерал-губернатора», числится по описи № 10, под № 1067 «Дело об учреждении надзора над раскольниками Витебской, Виленской и Ковенской губерний», 1849–1850 годы, лист 3, лицевая и оборотная стороны (LNA LVVA, 1. f., 10. ap., 1067. 1., 3. lp.-3. lp. o. p.), к нему дополнительный лист со служебной пометой об удостоверении подлинности (LNA LVVA, 1. f., 10. ap., 1067. 1., 4. lp.-4. lp. o. p.)

К описанию документа привлекаются другие документы, хранящиеся не только в LNA LVVA, но и в Национальном архиве Беларуси – НИАБ и Историческом архиве Национального архива Эстонии – ЕАА.

Данный документ был лично вручен, как об этом свидетельствует служебная помета № 1, рижским епископом Платоном, который возглавлял Рижскую епархию с 1848 по 1867 гг., возможно, самому генерал-губернатору Прибалтийского края Александру Аркадьевичу Суворову (находился в должности с 1847 по 1861 гг) в качестве подтверждения неисполнения раскольниками Витебской губернии, к которой относился город Динабург (ныне город Даугавпилс Латвийской Республики), царских указов и правительственных распоряжений.

Судя по служебным пометам, документ был рассмотрен в Совещательном комитете. О существовании такого комитета в г. Риге упоминают И. Нильский [6, с.149], а затем и И.Н. Заволоко [2, с.17–18]. Деятельность Рижского Секретного совещательного комитета по делам о расколе была исследована эстонским историком Татьяной Шор [9, с. 325–339]. Комитет был создан в Риге секретным Высочайшим повелением 25 октября 1847 года. В 1849 году в состав Совещательного комитета входили военно-административное и духовное начальство Прибалтийского края, а также руководители полицейского и гражданского ведомств: генерал-адъютант князь Итальянский граф А.А. Суворов-Рымникский, епископ Рижский Платон, председатель казенной палаты действительный статский советник И.Гессе, корпуса жандармов подполковник А. фон Гильдебрандт. Таким образом, духовное, военное и гражданское руководство принимали решения в отношении раскольников совместно. Все неоконченные судебные дела о раскольниках должны были быть предварительно рассмотрены на заседании секретного Совещательного комитета. Журналы, доклады и определения секретного Совещательного комитета в Риге о раскольниках хранятся в Историческом архиве Национального архива Эстонии [9, с.

¹ Статья подготовлена в рамках государственной программы исследований ЛР «Наследие и вызовы будущего для укрепления Латвийского государства», проект № VPP-IZM-2018/1-0018.